

чевное зло; но это невозможно, и потому я должен сократить историю, чтобы сделать ее полезнее для потомства вследствие сжатого изложения горестных событий, которое ослабит печаль.

Оставаясь верным обещанию говорить коротко, автор в конце этой главы в нескольких словах упоминает о том, как Алексей III ослепил брата Исаака, но оставил его вместе с сыном Алексеем, еще юношей, на свободе, как Исаак нашел средство послать письмо в Италию к дочери Ирине, бывшей за королем Германским Филиппом I, сыном Фридриха Барбароссы, с жалобой на узурпатора; как молодой Алексей бежал в Италию к своей сестре; как вообще Ангелы дурным управлением восстановили против себя всех, и особенно венецианских купцов, которые были особенно оскорблены, видя, что Ангелы оказывают более покровительства пизанцам.

9. Венецианцы (Veneticoi), имея в виду древние договоры с греками, оскорблялись тем, что их значение перешло на пизанцев и, отдаляясь от нас, они обнаруживали при каждом случае враждебное расположение, особенно когда Алексей (III) по корыстолюбию не хотел уплатить им 200 мин золота, недостававших в займе 15 центенариев того же металла, которые обязался уплатить император Мануил. Еще более желал нам зла венецианский дож (δουξ) Генрих Дандоло (Ἐνριχὸς Δανδουλοῦς), слепой и удрученный временем; он перед всеми ненавидел и враждовал против греков; был человеком хитрым и чрезвычайно дерзким до того, что называл себя мудрейшим из мудрейших, и славолубием превосходил других. Он считал жизнь хуже смерти, если ему не удастся отомстить оскорблений, нанесенных греками его согражданам, и пересчитывал в уме все бедствия, испытанные его единоплеменниками в правление Ангелов и при Андронике и Мануиле. Но зная, что всякое предприятие обратится на его же голову, если будет задумано против греков одними венецианцами, Дандоло начал помышлять о приобретении союзников и об устранении козней вместе с такими людьми, которые пылают непримиримой ненавистью к грекам и завидуют их благоденствию. В это время (1203 г.) сама судьба послала ему нескольких знатных владетелей,

желавших посетить Палестину, и с ним-то он вступил в союз против греков. Это были: Бонифаций маркграф Монферратский, Балдуин – граф Фландрский, Генрих – граф Сен-Поль, Людовик – граф Блюа (ὁ ἰωάννης Πλεῖς Δολοιχός) и многие другие отважные воители, ростом равнявшиеся почти со своими копьями. В течение трех лет в Венеции строились 110 перевозных судов, 60 больших кораблей, 70 плоскодонных; из них один корабль за чрезмерную величину был назван «Космосом» (Вселенная). Когда наступило время, на корабли были посажены 1000 всадников паширских, 30 тысяч со щитами, умевших владеть всякого рода оружием, и множество стрелков.

В то время, как флот был готов к отплытию, над Византией скопились, как говорится, туча над тучей и волна над волной. Алексей, сын Исаака Ангела, снабженный письмами от Папы Древнего Рима и от пемецкого короля Филиппа (I), желавших воспользоваться тем разбойническим набегом для возвращения юпоше отеческого престола, явился на тот флот и был принят, ибо не только его именем прикрывалось злодеяние, направленное против греков, но сверх того он мог удовлетворять их корыстолюбие деньгами. Будучи юн не столько годами, сколько умом, Алексей, попав в руки хитрых и коварных людей, обязался и подтвердил клятвенно, что он довершит все, что они не могли бы закончить: он обещал им бездну денег и 50 кораблей для войны вместе с греками против сарацин; но что всего хуже и безумнее, он принял латинскую веру, признал выдуманное преимущество пап и обещал изменить древние постановления греков.

По прибытии флота к Иадаре (Зара) венецианский дож Дандоло приказал осадить этот город за нарушение им, как он говорил, какого-то старинного договора. Между тем греческий император Алексей, уже давно получив известие о движении латин, не делал никаких приготовлений, что собственно составляло и его личную обязанность, и общую обязанность всех; крайняя распушенность в делах государственных несколько не лучше полного безумия. Евнухи же, бывшие охранителями лесистых